

СУДЬБА СОВЕТСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО АВАНГАРДА

Одним из видных создателей современной советской серьезной музыки (т. н. авангарда) является композитор Эдисон

ДЕНИСОВ, чьи произведения завоевали популярность сначала за рубежом и только в последние годы получают признание на его родине.

Предлагаем вниманию читателей фрагменты беседы с этим композитором.

— Как складывалась судьба советского музыкального авангарда в последние десятилетия!

— В начале шестидесятых годов многие композиторы обратились к тому, что произошло в западной музыке. Было желание познакомиться с лучшим, изучить новое в подходе к звуку, в композиторской технике, с тем чтобы на основании этого в чем-то пересмотреть свои позиции.

Сейчас в это трудно поверить, а были времена, когда такие композиторы, как Стравинский, Барток, Шенберг, Веберн, были у нас в стране запрещены. У нас, кстати, до сих пор почти не известен последний период творчества Игоря Стравинского. Мы мало знаем замечательного американского композитора Чарльза Айвза.

Без глубокого изучения классиков двадцатого века нельзя стать композитором. Чтобы обрести композиторскую индивидуальность, нужно владеть основными типами техники современного письма. Владея, сделать свой синтез, индивидуальный язык. Познать все с целью обрести мастерство и стать самим собой. В итоге композиторы моего поколения оказались друг на друга совершенно непохожи: музыка Софьи Губайдулиной, непохожа на музыку Альфреда Шнитке, Шнитке — на Кнайфеля, музыка Кнайфеля — на сочинения Сильвестрова.

Очень трудно сразу преодолеть негативное отношение к музыкальному авангарду. Оно прививалось в течение многих лет. Некоторые, например, считают, что авангард рвет традиции. Но это не так. Ведь, в сущности, одним из самых больших авангардистов был и есть Мусоргский. Это он, несмотря ни на какие преграды, звал всех: «Вперед, к новым берегам!»

Что же касается популярности нашей музыки за рубежом, причиной здесь послужили несколько обстоятельств. Прежде всего интерес зарубежных музыкантов к нашим произведениям — то, что теперь принято называть личными контактами. Отсутствие запретов, позволявшее и позволяющее звучать там любой, в том числе и нашей музыке.

— Вы убеждены, что авангард не рвет традиции. Но проявляются ли в нем национальные черты!

— Любая настоящая музыка национальна, к какому бы стилю и жанру она ни относилась.

— Ни для кого не секрет, что интерес к так называемой современной серьезной музыке в Советской стране пока невелик. Чем это можно объяснить!

— Публику отучили от современной музыки. И я бы назвал ряд причин, которые, на мой взгляд, имели негативные последствия.

Большой вред нашему искусству во всех областях нанесла политика запретов. Кстати, не будь в свое время запретов, рок-музыка давно бы отошла на то скромное место, которое она занимает в мире.

Сознательная дезинформация в области музыкального искусства нередко приводила к тому, что истинные ценности подменялись ложными. В качестве современной музыки в течение многих десятилетий исполняли псевдомузыку.

Естественно, это вызвало негативную реакцию у слушателей.

Нужно вернуть доверие к современной музыке и больше исполнять в нашей стране тех зарубежных композиторов, которые завоевали международное признание.

— Сейчас много говорят о «белых пятнах» в отечественном музыкальном наследии. Есть ли они в музыке двадцатого века!

— К счастью, наша музыка богата талантами, и среди них есть такие, которые не уступают таланту Прокофьева и Шостаковича. Мы не знаем об этих людях потому, что их просто вычеркнули из истории советской музыки и упоминание о них было запрещено в печати. Их сочинения в течение последних пятидесяти лет лежали неисполненными и неизданными и составляют целый неоткрытый пласт. На родине только начали открывать Николая Рославца, Артура Лурье, Александра Мосолова, а также Сергея Протопопова, Николая Обухова, Дмитрия Мелких, Болеслава Яворского (этот выдающийся музыкальный теоретик был и прекрасным композитором), Владимира Дешевова, Леонида Половинкина. Если в литературе и изобразительном искусстве уже набрал силу естественный процесс возвращения незаслуженно забытых имен, то в музыке все разворачивается очень медленно.

— Каковы, на ваш взгляд, особенности восприятия музыки в наши дни!

— Всякий художник с яркой индивидуальностью говорит то, что не говорили другие, причем говорит непривычным, а оттого непонятым языком. Поэтому всегда нужен период призывания. Критика, как и публика, не сразу воспринимает то, что есть нового в художнике. Вот исторические примеры восприятия нового в музыке: провал «Кармен» Бизе, провал «Пеллеаса и Мелизанды» Дебюсси и «Весны священной» Стравинского. Три провала в Париже. Нам это кажется странным, но время ставит все на свои места.

В последние годы люди начинают тянуться к более простому и человеческому в искусстве. Они устали от громкой и героической музыки. Им хочется теплоты, нежности, простого человеческого слова. Сейчас во всем мире играют гораздо больше Шуберта и Моцарта, чем Бетховена. Это несколько не умаляет величие Бетховена. Просто сегодня людям ближе другая музыка, изменились общие потребности.

— Согласны ли вы с мнением, что современная музыка находится в кризисном состоянии!

— В так называемой новой музыке нет и не было никакого кризиса. Этот «кризис» придуман музыкальными чиновниками. Музыка повсюду развивается естественным путем. А он никогда не бывает гладким. Встречаются вершины, и срывы, и падения. И так во все времена. Сложность в том, что сегодня само время более сжато и больше событий происходит в определенный временной промежуток. Но упадка в музыке нет.

— Все ваши премьеры, проходившие в крупнейших театрах и концертных залах Франции, ФРГ, Италии, пользовались большим успехом. Компенсировало ли это продолжительное неприятие и неизвестность вашего творчества в Советской стране!

— Вы знаете, можно утешать себя примерно так: «Какая в сущности разница, где звучит твоя музыка, главное, что ее исполняют и слушают». Были моменты, тяжелые для меня, когда я пытался таким образом себя утешить. Но действие этого «лекарства» крайне непродолжительно. И я никогда не поверю, что есть на свете художник, которому было бы безразлично, как его понимают и принимают на родине.

Очень многие советские композиторы в течение десятилетий писали для собственного стола — перед ними были закрыты все двери. Одни сломались, другие выстояли. Меня спасала вера, что я делаю то, что нужно.